

Мартыненко В.В.

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НЕАДЕКВАТНЫХ ПРЕСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ДЕНЕГ И БАНКОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

THE GLOBAL ECONOMIC CRISIS AS A SIGN OF INADEQUATE VIEWS
ON SOCIAL VALUE OF MONEY AND BANKS IN THE PUBLIC MIND

Мартыненко В.В. доктор политических наук, профессор
V.V. Martynenko, Professor, Doctor of political sciences

Аннотация: В этой статье автор показывает, что неадекватность сложившихся в общественном сознании представлений о социальном значении денег и банковской деятельности способствует проведению социально ущербной денежно-кредитной политике, которая, в свою очередь, оказывается одной из главных причин кризисных явлений в экономике и в обществе. Автор раскрывает недостаточность принимаемых мер по преодолению последствий мирового экономического кризиса, критически анализирует предложения по формированию системы наднационального регулирования финансовых рынков. Обосновывается необходимость изменения концептуальных подходов к организации денежной эмиссии, перенастройки целей и методов денежно-кредитного регулирования и государственного вмешательства.

Abstract: In this article, the author reveals the inadequacy of public consciousness of the social value of money and banking promotes socially flawed monetary policy, which in turn is one of the main causes of the crisis phenomena in the economy and society. The author reveals the insufficiency of measures to combat the effects of the global economic crisis, critically analyzes the proposal to create a system of supranational regulation of financial markets; makes the case for change conceptual approaches to the money supply, reconfigure the objectives and methods of monetary policy and Government intervention.

Ключевые слова: банковская деятельность, денежно-кредитное регулирование, деньги, денежная эмиссия, кредитные отношения, мировой экономический кризис, социальное развитие.

Keywords: banking, credit relationships, global economic crisis, money, monetary regulation, money supply, social development.

На протяжении всей истории цивилизации распространявшиеся в общественном сознании представления о деньгах были скроены из противоречий, которые неизменно проявляли себя в пери-

оды обострения экономических и политических кризисов, но так и не были должным образом уяснены. За изменчивой материальной оболочкой денег не замечается их значение как важнейшей формы социально-правовых связей в обществе. Мировой экономический кризис и использованные средства по его преодолению со всей очевидностью доказывают, что вопрос о социальном значении денег, адекватной форме и структуре банковской системы, а также о методах её регулирования далёк от своего окончательного решения. Сегодня мы являемся свидетелями не только кризиса мировой валютно-финансовой системы, но и кризиса понимания адекватных условий, необходимых для её эффективного функционирования, включая проблему обеспечения рациональных и социально-необходимых механизмов денежной эмиссии.

*Ложное представление о деньгах
в общественном сознании*

В обыденном смысле для большинства людей деньги означают известные им предметы в виде монет или бумажных купюр, находящиеся в кармане, в сейфе или в банке. Они обращают внимание лишь на их видимую оболочку, признавая за ней вполне осязаемую, но во многом неведомую силу. Хотя мало у кого вызывает возмущения тот факт, что деньги всегда предоставляли и предоставляют их держателям вполне определённые права (которые, скорее всего, признавались в человеческом обществе ещё до появления первых государств), о деньгах сохраняется ложное представление как о некоем особом или даже условном товаре, непонятным образом получившим статус «всеобщего эквивалента». Такое ложное представление способствует тому, что, несмотря на груды литературы, посвящённой экономическому значению денег и целям банковской деятельности, нерешёнными остаются вопросы о том, чем должны (и должны ли вообще) обеспечиваться или ограничиваться размеры денежной эмиссии, что лежит в основе инфляции, как с ней бороться и т. д.

До настоящего времени не получило распространение понимание института денег как социально обусловленной формы фиксации прав кредиторов, возникшей в процессе развития кредитных отношений между относительно независимыми членами общества (т. е. между членами общества, которые уже не составляли одну семью, племя или род). Даже среди специалистов «банковского дела» суждения о деньгах до сих пор формируются в значительной степени на основе ряда, мягко говоря, сомнительных положений эконо-

мических парадигм достаточно отдалённого прошлого, редуцирующих социальную сущность денег и не замечающих их кредитную природу. Одновременно не замечается и тот факт, что во всех теориях денег (начиная от определений денег у Аристотеля) их авторы фактически подменяли вопрос о происхождении денег темой необходимости денег для развития товарооборота.

Исключительно трудно даётся понимание того факта, что появление и сущность денег не могут быть поняты и разумно объяснены, если придерживаться точки зрения тех философов и экономистов, которые рассматривают их значение с позиции возникновения социальной потребности в удобном инструменте для товарообмена. Между тем все попытки обосновать появление денег из товарообмена неизменно сталкивались с рядом неразрешимых противоречий. В качестве примера приведём рассуждения Адама Смита (1723–1790), который отмечал невозможность товарообмена в том случае, когда один человек обладает большим количеством определённого продукта, чем сам нуждается в нём, а другой, хотя и испытывает в нём недостаток, но в данный момент не имеет ничего из того, в чём нуждался первый. Согласно логике Смита, условия для развития товарообмена могли появиться только в том случае: если «каждый разумный человек» старался «устроить свои дела, чтобы постоянно наряду с особыми продуктами своего собственного промысла иметь некоторое количество такого товара, который, по его мнению, никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла»¹. Эти товары и стали выполнять, по его мнению, роль денег. Однако если предположить, что каждый разумный человек обменивал свои продукты на товары, которые не были ему нужны, но пользовались повышенным спросом (согласно Смиту, никто не отказывался «взять их в обмен на продукты своего промысла»), то тогда нужно исключить из разряда разумных людей производителей таких товаров. По определению потребности этих производителей должны были полностью удовлетворяться в результате обмена их продукции на другие товары. Продукция остальных производителей должна была пользоваться меньшим спросом и её неразумно было бы накапливать в расчёте на то, что «никто не откажется взять её взамен». Вместе с тем понятно, что именно производители товаров, пользовавшихся наибольшим спросом, испытывали главную потребность в появлении денег. Следовательно, выявленная Смитом проблема оказывалась неразрешённой. Если происхождение денег искать в товарообме-

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 83.

не, то получается, что «каждый разумный человек» сначала должен был лишиться разума, иначе сложно объяснить, почему он вдруг захотел обменивать результаты своего труда на ненужные ему предметы. Только потеряв остатки разума, такой человек мог надеяться, что появятся столь же неразумные люди, которые начнут поступать аналогичным образом, что выбор ненужных предметов у них совпадёт и они станут тогда «всеобщим орудием торговли», приобретя неизвестно как способность быть всеобщим эквивалентом. Абсурдность данного предположения очевидна.

*Переосмысление денег как важнейшей формы
социально-правовых отношений в обществе*

Все теоретические рассуждения приобретают логическую стройность, если осознать, что социальная необходимость денег заключалась не просто в обеспечении товарного обмена, а была вызвана потребностью формирования кредитных отношений между относительно независимыми и свободными субъектами, число которых увеличивается на каждой новой стадии исторического развития человечества. Поддающийся научному описанию естественный закон социального развития заключается в реализации процесса раскрытия эмпирически неопределённой величины разнообразных физических, интеллектуальных и умственных возможностей, заложенных в человеке (как интегральном понятии, включающем способности различных индивидов). Вместе с тем для осознания действия указанного закона недостаточно указать на то, что раскрытие человеческих способностей оказывается возможным только при наличии и посредством взаимодействия людей в обществе, при расширении и углублении разделения труда между ними. За этой эмпирически познаваемой реальностью, которая в ходе человеческой истории все более отчётливо себя проявляет, требуется ещё распознать дополнительную причину и базовое условие социального развития. Эта причина заключается в том, что одни люди, обладая более высокими способностями и реализуя их на практике, по собственной инициативе стали делиться (даже не будучи тесно связанными родственными узами) результатами своей деятельности (включая знания и опыт) с другими, удовлетворяя их потребности. Взамен они могли получать лишь обязательства в виде признания их прав как кредиторов общества. Вполне естественная норма социальной жизни заключается в том, что только за тем человеком может признаваться право требовать удовлетворения своих потребностей за счёт других людей,

кто принимает на себя в ответ соответствующие обязанности удовлетворения чужих потребностей. Понятие «кредитор», таким образом, не ограничивается узко экономической интерпретацией данного термина, а наделяется социальным содержанием¹. В качестве одной из важнейших форм фиксации прав кредиторов и возник институт денег. Можно сказать, что появление денег знаменовало собой начало функционирования социального механизма организации и реализации кредитных отношений, определяющих систему естественных прав и обязанностей членов общества; что деньги оказались нужны прежде всего для того, чтобы раскрыть и расширить социальные горизонты человеческой свободы, понимаемой в контексте необходимости реализации человеческого потенциала, творческого начала и разумного содержания индивидуальности, обеспечивая условия социального развития².

В то же время характер последующего функционирования и использования различных форм денег наложили определённый отпечаток на социальное восприятие данного социального института, базовый смысл которого к тому же часто сознательно затуманивался, представлялся в извращённом свете. Возникнув

¹ Конечно, следует учитывать, что права любых кредиторов в своём естественном понимании не безграничны и не могут признаваться на вечные времена. Более того, бывшие кредиторы могут со временем превращаться в должников, стремящихся, сохранить за собой ранее полученные привилегии (права), которые, однако, уже не пользуются больше естественным признанием со стороны других членов общества. Кроме того, кредитные отношения могут принимать форму, которая не столько стимулирует, сколько тормозит социальное развитие. Имеется в виду такая форма кредитных отношений, за которой скрывается сознательное стремление кредитора воспользоваться временной слабостью или затруднительным положением должника, а не желание содействовать более полной реализации его возможности и способностей (например, в области предпринимательской деятельности). Указанная форма характеризует появление, если можно так сказать, «неполноценных» кредитных отношений, которая близка, но не совпадает по своему значению с получившим широкое распространение понятием «ростовщичество». Под ростовщичеством понимается (и одновременно далеко не всегда обоснованно осуждается) любая форма кредитных отношений, которая предусматривает предоставление в качестве кредита денежных средств под проценты («в рост»). Между тем сам факт наличия в кредитных договорах условия возврата денежных средств с уплатой процентов ещё не означает, что такие кредитные отношения не способствуют социальному развитию или что кредитор сознательно использует в своих эгоистических интересах временные трудности должника. Возникновение «неполноценных» кредитных отношений на самом деле всегда было обусловлено появлением у кредитора искусственно созданных и поддерживаемых монопольных привилегий, которые, как правило, обеспечиваются с помощью государственной власти. Показателем «неполноценности» может считаться предоставление ссуды без учёта реальных возможностей должника обеспечить возврат кредита за счёт производства и/или реализации товаров или услуг; в зависимости исключительно из величины залога, который должник может предоставить кредитору. При таких условиях за предоставлением ссуды может скрываться сознательное стремление кредитора воспользоваться временной слабостью или затруднительным положением должника. В настоящее время появление и распространение в обществе «неполноценных» кредитных отношений стимулируется неадекватными методами государственного вмешательства и регулирования коммерческих банков, процессами монополизации денежно-кредитной сферы и банковской деятельности.

² В отличие от любых видов социально организованных животных, которым присуща лишь форма вертикальной интеграции, между людьми возникает и развивается горизонтальная интеграция, раздвигающая семейные, родоплеменные и государственные границы, способствуя всё более полному взаимодействию, разделению труда и раскрытию заложенных в человеке способностей. И только в человеческом обществе присутствует такая форма социально-правовых взаимоотношений, как деньги, обеспечивающая интеграцию человеческого сообщества по горизонтали.

как инструмент фиксации прав определённых кредиторов, деньги в процессе всё более широкого использования в расчётах за товары и услуги (то есть реализации кредиторами своих прав) приобрели анонимный по отношению к каждому конкретному кредитору характер. В результате у различных членов общества появилась возможность, став обладателями денег, приобрести права и привилегии, не прикладывая особых усилий, не становясь кредиторами общества и не исполняя необходимых обязанностей. Однако если подобные злоупотребления приобретают значительный размах, это ведёт к обесценению денег. Иными словами, кредитная природа денег и их значение как формы обеспечения социальных прав кредиторов неизменно напоминает о себе.

Проблема, правда, в том, что все такого рода напоминания не означают, что в общественном сознании само собой может сформироваться понимание того факта, что деньги — не просто средство обмена, которому было придумано абстрактное определение всеобщего эквивалента, а социальный инструмент фиксации и реализации прав кредиторов общества; что обесценение денег отражает наличие крупных диспропорций в системе формирования и распределения прав и обязанностей в государстве и обществе, отсутствие полноценных кредитных отношений, а также необходимых условий для их развития.

Осмысление социальных причин обесценения денег

Сталкиваясь с неадекватным механизмом денежной эмиссии и условиями функционирования денег (инфляция, коррупция, роскошь, нищета и т. д.), достаточно легко впасть в заблуждение относительно действительных истоков этих негативных социальных явлений. Для подавляющего большинства людей одной из основных — лежащих на поверхности — причин, ограничивающих их возможности, всегда являлась величина их доходов в денежной форме. Поэтому многие сегодня, как и столетия назад, обнаруживают склонность видеть и возлагать главную вину за своё бедственное положение на само существование денег или на банки, рассматривая их в качестве источника налагаемых на них ограничений. Стремление устранить указанные ограничения часто представляется в виде желания добиться какой-то высшей справедливости, которую ждут от государства и надеются от него её получить. Они не замечают, что причина в этом случае путается со следствием, чем всегда пользуются политические авантюристы, которые получают возможность с лёгкостью, как это не раз бывало

в истории, навязать обществу опасные идеи решения различных социальных проблем посредством устранения денег, национализации банков или государственного регулирования цен. Не сразу осознается и тот факт, что обесценение денег может проявляться как в явной форме — в росте цен на все товары и услуги, по динамике которых обычно и оценивают инфляцию, так и в скрытой форме — в виде падения производства пользующихся спросом товаров и услуг, в появлении их дефицита. К скрытой форме обесценения денег относится также неудовлетворительное использование имеющегося экономического и научно-технического потенциала общества, расширение объёмов натурального производства и обмена и т. п. Скрытая форма как раз и характерна для ситуаций, когда государство под видом борьбы с инфляцией начинает в административном порядке регулировать цены на различные товары и услуги, а также прибегает к мерам по общему ограничению денежной массы и кредита. Как правило, эти меры сопровождаются сохранением размеров денежных выплат тем, кто своей деятельностью не способствует, а препятствует экономическому развитию (включая различного рода монополистические образования и бюрократический аппарат самого государства). В таких случаях одновременно наблюдается экономический спад, сокращение денежной массы и её обесценение. Как известно, лекарствами, которые не лечат, лечат болезнь, которую не хотят вылечить. На самом деле основной причиной инфляции было и остаётся невыполнение или неудовлетворительное выполнение государством возложенных на него функций при том, что оно регулярно с помощью налогов, сборов, займов и принудительной эмиссии, также нелегальных методов коррупционного порядка получает и расходует денежные средства на содержание своего бюрократического и карательного аппаратов. Практически все социальные проблемы порождаются злоупотреблениями правом и властью. Эти злоупотребления обусловлены деятельностью различных монополистических образований и сопутствуют им. Инфляция, как и другие негативные явления в денежной сфере, отражает, образно говоря, кривизну социального пространства, его превращённую картину, искажённую монополистической безответственностью. Ее характерными чертами являются: грубые диспропорции в системе распределения прав и обязанностей, нарушение принципов равноправного обмена между людьми результатами своей деятельности, возможность получения и сохранения доходов социальными группами, деятельность которых не отвечает потребностям развития общества.

Осознание ошибок и злоупотреблений со стороны монетарных властей России

Все вышеотмеченные явления могут быть в красках проиллюстрированы на примере современной России, где задолго до кризиса наблюдалась «гремучую смесь» из теоретических ошибок и злоупотреблений правом, характеризующих деятельность монетарных властей¹. Последствия указанных ошибок и злоупотреблений с каждым годом все сильнее ощущаются, однако остаются далеко не осознанными в обществе. С одной стороны, представители правительства и Банка России, позиционируются и позиционируют себя в качестве единственного источника денег для развития экономики. С другой стороны, не замечается, что в мышлении представителей российских денежных властей явно сохраняются рудименты золотого фетишизма. Они проявляются в представлениях о том, что эмиссия денег центральным банком должна обеспечиваться какими-то другими «настоящими деньгами», а не сама обеспечивать развитие кредитных отношений в необходимых для экономики объёмах. Сегодня, правда, золотой фетишизм в основном проявляется как валютный, когда денежная эмиссия Банка России фактически полностью формируется за счёт приобретения им иностранной валюты. Такая политика, приведшая к превращению рублей в суррогат иностранной валюты для внутреннего пользования, привносит дополнительные трудности для развития российского общества. Она также формирует ситуацию, при которой о реальной независимости и суверенитете государства можно говорить лишь с натяжкой. Не случайно даже в условиях благоприятной мировой конъюнктуры на рынке сырьевых ресурсов, в различных регионах страны (не ориентированных на экспорт энергоносителей и сырья) перманентно создавалась предреволюционная ситуация. Само государство, балансируя на грани предельно критического состояния, потенциально опасного распадом страны, несмотря на предпринимаемые меры по укреплению властной вертикали, с точки зрения условий и параметров социально-экономического развития фактически продолжало скатываться к статусу колонии. При появлении признаков мирового кризиса социально-политическая обстановка, естественно, обострилась, а риски социально-политического распада существенно возросли. При этом в действиях властей отчётливо проявились общая растерянность,

¹ Подробнее см.: Мартыненко В.В. «Неизвестная политика Банка России». — М.: Изд-во ИСПИ РАН, 2004. Электронная версия данной монографии размещена в интернете по адресу: [http://www.martynenko-info.ru]

а также непонимание реальных путей и средств исправления сложившейся ситуации.

В таких ситуациях у представителей власти наблюдаются попытки с помощью демагогических приёмов найти некий громоотвод, чтобы отвлечь общественное внимание от выявления базовых принципиальных недостатков в функционировании государственных структур, сфокусировав указанное внимание на проблемах, якобы имеющих объективный, в смысле независимый, от власти характер. Одной из таких проблем преподносится инфляция, которая в трактовке российских монетарных властей предстаёт не как результат неадекватной политики и деятельности власти, а как некое стихийное бедствие, с которым самоотверженно борется Банк России, ограничивая размеры денежно-кредитной эмиссии. Помимо этого, главная вина за возникновение современного кризиса была возложена на эгоистическую политику США, осуществивших эмиссию долларов за счёт неоправданного роста государственного долга. Характерно, что уже в первом Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию (5 ноября 2008 года) было недвусмысленно заявлено о важности «максимально быстрого формирования новых правил мировой финансовой архитектуры», о том, что «монополия в этой сфере оказалась не просто неадекватной реалиям современной глобальной экономики; она оказалась опасной для всех». В этой связи особо была отмечена необходимость «создать механизмы, блокирующие ошибочные, эгоистические, а подчас просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества».

Бесспорно, любая монополия, а монополия в денежно-кредитной сфере особенно, в долгосрочном плане оказывает пагубное влияние на процесс социального развития и создаёт предпосылки для возникновения глубоких социально-экономических и политических кризисов. Несомненно, и то, что США в течение длительного времени злоупотребляли правом и возможностями, предоставленными признанием доллара в качестве основного средства международных расчётов, особой ролью их национальной валюты в мировой финансовой системе, само здание которой, действительно, нуждается в глубокой реконструкции. Но при этом важно осознавать, что немалая доля ответственности за сложившуюся ситуацию лежит и на монетарных властях тех стран, которые в последние годы оказались главными кредиторами США. В их числе заметная роль принадлежит монетарным властям России. Однако этому факту российские политики и экономисты уделяют далеко недостаточное внимание и он не нашёл адекватного отражения в общественном сознании.

Одна из причин такого отношения кроется в том, что Банк России в нашей стране не только получил монополию на денежную эмиссию, но уже многие годы претендует на безальтернативность предлагаемых им мер, непогрешимость своей позиции и взглядов по вопросам денежной эмиссии и проблемам регулирования банковской деятельности. Вместе с тем, если разобраться, то очевидным становится факт отсутствия у монетарных властей России адекватного понимания социально-обусловленных механизмов денежной эмиссии. Когда российские монетарные власти и поддерживающие их экономисты с пафосом заявляли о росте валютных резервов, рассматривая указанный рост в качестве показателя устойчивости и стабильности российского рубля и российской экономики, они на самом деле пытались и пытаются закамуфлировать крайне неприятное обстоятельство, которое свидетельствует о несостоятельности Банка России как эмиссионного центра.

Конечно, определённый размер валютных резервов, имеющейся у любого центрального банка, можно рассматривать в качестве инструмента противодействия различным спекулятивным давлениям на курс национальной валюты и предотвращения негативных последствий возможной паники среди участников рынка при внезапных изменениях внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры. Вместе с тем центральными банками ведущих стран мира давно выработан куда более рациональный и эффективный механизм противодействия указанным негативным явлениям по сравнению с бездумным наращиванием валютных резервов. Речь идёт о возможности кредитования центральными банками друг друга, которое, как правило, осуществляется в виде покупки-продажи национальной валюты (взамен на иностранную) на определённый срок с обязательством сторон по истечении указанного срока произвести обратную операцию по заранее фиксированному курсу. Наличие механизма взаимного кредитования свидетельствует о степени доверия между монетарными властями соответствующих стран и уровне равноправия в их отношениях. Между тем, многие российские политики и экономисты этот факт просто упускали из вида, когда (ещё до современного кризиса) требовали договориться с ведущими странами мира о признании ими рубля в качестве резервной валюты, ссылаясь в качестве обоснования на «обеспеченность» рубля высоким объёмом валютных резервов Банка России. Прежде чем выдвигать подобные предложения и требования им следовало бы обратить внимание на отсутствие признания монетарными властями ведущих стран мира Банка России в качестве равноправного партнёра, а также на причины такого

положения дел. Руководителей же самого Банка России сложившееся положение, похоже, полностью устраивало. Они не стремятся изменить его и сегодня.

Эмитируя рубли исключительно за счёт покупки иностранной валюты (расширяя свои валютные резервы), Банк России при этом занимается ничем иным, как поддержанием той самой давно устаревшей «мировой финансовой архитектуры» и, в частности, обеспечением благоприятных условий для наращивания государственного долга США. В социальном плане получается, что все держатели рублей (а не только долларов) в той или иной степени вынуждены выступать в роли кредиторов американского правительства. Иными словами, можно говорить о том, что Россия без какого-либо военного вмешательства извне в социально-экономическом плане оказалась в правах колонии, что негативно сказывается и на её внешнеполитической роли, а также является фактором усиления дезинтеграционных процессов в российском обществе, несмотря на все попытки укрепить «вертикаль» государственной власти. Отметим и ещё один аспект. Если сам Банк России получает за осуществление такой «эмиссионной» деятельности доход в виде процентов на размещённые им валютные резервы, то большинство российских предприятий и граждан вынуждены заниматься беспроцентным кредитованием иностранных государств, а точнее — кредитованием под отрицательный процент. Отрицательным этот процент оказывается по причине более высоких ставок, которые российские предприятия вынуждены платить по кредитам, получаемым ими от иностранных банков¹. Кроме того, эти предприятия переносят свои издержки, связанные с оплатой процентов по указанным кредитам, на российских потребителей своей продукции, что выступает в качестве дополнительного фактора инфляции в стране. Обращаться же к иностранным банкам, которые, как оказывается, помимо своего центрального банка кредитуются ещё и Банком России, российские компании (причём в основном принадлежащие государству) во многом вынуждены по причине неадекватной денежно-кредитной политики Банка России и используемых им методов регулирования банковского сектора.

Материальную основу для фактически беспроцентного кредитования Россией США и других западных стран составляет, конеч-

¹ За несколько лет до кризиса размеры валютных резервов Банка России и фондов правительства превысили отметку в 500 млрд. долларов США. Примерно такую же величину составили иностранные долги российского государства и компаний с государственным участием. Если учитывать, что разница в процентах, которые российской стороной уплачивались по своим долгам и которые правительство и Банк России получали по размещённым валютным резервам, равнялась порядка 10%, то оказывается, что Россия не менее 50 млрд. долл. ежегодно тратила на субсидирование ведущих иностранных государств.

но, экспорт российских энергоносителей. В этой связи российскими экономистами и политиками была выдвинута идея перехода на оплату российского экспорта рублями. Но при этом опять же не учитывается тот факт, что такой переход не может привести к каким-либо положительным переменам, если сохранится нынешний принцип денежной эмиссии Банка России, т. е. если эмиссия рублей по-прежнему будет осуществляться исключительно за счёт покупки Банком России иностранной валюты. В этом случае может произойти лишь смена основных контрагентов Банка России по приобретению им иностранной валюты: место российских экспортёров (при посредничестве коммерческих банков) займут иностранные импортёры. Во всех остальных аспектах ситуация окажется прежней.

При таком механизме денежной эмиссии размеры денежной массы в России, по определению, не могут соответствовать потребностям и возможностям развития производства товаров и услуг внутри страны. Они лишь могут, и то не полностью, удовлетворять те потребности экономического развития России, которые определяются интересами иностранных потребителей и иностранных государств. Но если в этом состоит смысл монопольного права Банка России на денежную эмиссию, то возникает вопрос о целесообразности самой эмиссии рублей и существования Банка России. Увеличение размеров поступающей в страну валютной выручки лишь расширяет возможности Банка России искусственно манипулировать валютным курсом рубля, фактически занимаясь при этом перераспределением в свою пользу доходов от российского экспорта. Повышая курс рубля, Центробанк просто сокращает рублёвые доходы экспортёров и увеличивает размеры иностранной валюты в своём распоряжении, размещая её в ценные бумаги иностранных государств и увеличивая тем самым свои доходы за счёт поступающих процентов¹. Подчеркнём, что получаемые проценты составляют доход Банка России, а не доход

¹ Не осознавая социально-экономических опасностей, связанных с такой политикой Банка России, целый ряд маститых российских экономистов повторяют «прописные истины» о том, что рост доходов от экспорта и увеличение иностранных инвестиций в страну ведут к укреплению курса национальной валюты, прилагая эти истины к ситуации с курсом российского рубля. Указанных экономистов и политиков так и хочется спросить: «Помилуйте, господа! О каком укреплении реального курса рубля вы говорите, если размеры денежной массы в рублях определяются исключительно объёмами поступления в страну иностранной валюты? Все ваши «умозаключения» имели бы смысл, если бы размеры и динамика денежной массы в рублях определялись бы внутриэкономическими факторами, а не зависели бы исключительно от поступающих в страну долларов или евро. О каком реальном укреплении рубля можно серьёзно говорить, если значительное число граждан по-прежнему живёт в основном натуральным хозяйством? Необходимо обсуждать не мнимое укрепление рубля, а отсутствие в России такого понятия как национально ориентированная денежная эмиссия, наличие которой могло бы свидетельствовать о взаимозависимости различных членов российского общества, о достаточном уровне взаимной поддержке ими друг друга, о реальном существовании единого рынка товаров и услуг, да, и вообще — о единстве государства».

государственного бюджета. И поскольку эти доходы не зависят от каких-либо усилий и умственных способностей руководителей и чиновников Банка России, думать и заботиться о стабильности российской банковской системы, о состоянии российской экономики им оказывается просто «не с руки».

Для того чтобы рубль получил признание в качестве международного (пусть даже регионального) расчётного средства, он должен перестать выступать в роли суррогата доллара и евро; доверие к российской банковской системе должно быть повышено на качественно новый уровень посредством изменения принципов денежной эмиссии и используемых Банком России методов регулирования коммерческих банков.

Социально-политические последствия неправомерного государственного вмешательства в банковскую деятельность

При осознании кредитной природы денег и социальных прав в целом становятся очевидными причина и вся пагубность постоянно предпринимаемых властью попыток установить тотальный контроль над банковским сектором. Как свидетельствуют многочисленные факты, подчинение представителями государственной власти кредитных институтов стимулирует нерациональное использование ресурсов общества, способствует инфляции и дисфункции денег, что негативно отражается на развитии полноценных кредитных отношений в обществе. Устраняя независимость банковской системы, контролируя все кредитные потоки, определяя размеры и структуру денежной эмиссии, государственная власть воздействует на жизнь общества и его отдельных членов, жёстко регламентируя направления социально-экономической деятельности индивидов. Отсутствие своевременной корректировки указанной ситуации с неизбежностью подталкивает общество в пропасть тоталитаризма.

В этой связи особенно важно формирование в общественном сознании понимания того факта, что значение коммерческих банков заключается не просто в перераспределении временно свободных денежных ресурсов (как это принято считать), а в активном участии в их формировании в процессе кредитной деятельности. Такое участие возможно, правда, только в том случае, если коммерческие банки сами получают кредитную поддержку со стороны Центрального банка, которая позволяет им в полном объёме исполнять все свои текущие обязательства перед представителями реального сектора экономики. Поэтому денежная эмиссия Цен-

трального банка должна быть нацелена на адекватную кредитную поддержку банков и обеспечение социального доверия к банковской системе, а не превращаться в производную от объемов поступающей в страну иностранной валюты. В настоящее время денежная эмиссия, с одной стороны, должна основываться на развитии кредитных отношений, а с другой — обеспечивать условия для такого развития. Это предполагает соответствующие принципы организации банковской системы, корректировку основных ориентиров деятельности и переоценку функций коммерческих банков, механизмов их взаимодействия с Центральным банком, а также обеспечение как можно более полной независимости всего банковского сектора от правительства.

*Социальная изнанка идеологии
наднационального регулирования финансовых рынков*

Необходимость формирования в общественном сознании адекватного понимания рассматриваемых вопросов усиливается в контексте наблюдаемого по итогам мирового экономического кризиса всплеска идеологической активности, направленной на обоснование необходимости реформирования основ мироустройства и формирования нового миропорядка, изменения сферы ответственности, роли и функций отдельных государств. Отдельное внимание при этом уделяется проблематике, касающейся изменения соотношения между национальными и наднациональными целями, принципами и механизмами регулирования финансовых и денежно-кредитных рынков. Согласно точке зрения ряда политиков и экспертов, нынешний кризис, с одной стороны, отражает необоснованность надежд на способность финансовых рынков к саморегулированию, а с другой — продемонстрировал непригодность регулирования указанных рынков, основанного на принципах «национального суверенитета», что приводит к появлению «финансового протекционизма», угрожающему подорвать и даже разрушить международные финансовые рынки. Отсюда делается вывод о том, что международным рынкам необходимо международное же регулирование. Утверждается, что создание «никогда прежде не существовавшего» международного регулирования соответствует требованиям современного процесса глобализации¹.

При всей видимой логичности указанных утверждений и предложений они поднимают больше вопросов, чем предоставляют

¹ См., например: Сорос Дж. Прогнозы: Будущее в форме буквы W // Ведомости. 15.01.2010, 5 (2523) Статья размещена в Интернете по адресу: [<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/01/15/2229961>].

ответы на стоящие как перед национальными государствами, так и мировым сообществом вопросы. Начнём с того, что крайне расплывчато определяются цели и средства международного регулирования, не говоря уже о проблеме контроля самих «регуляторов». Давно известно, что бездумное применение определённых направлений и методов регулирования и злоупотребления со стороны регулирующих органов способны вызвать разбалансированность финансовой системы и привести к глубокому кризису. Отметим также, что в настоящее время некорректно говорить о полном отсутствии международного регулирования финансовых рынков. В ведущих странах мира в течение последних 30 лет деятельность участников рынка подвергалась всё более жёсткому регламентированию с учётом предложений международных организаций. Нынешний кризис возник после принятия странами МВФ в качестве законодательных норм рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору. Подразумевалось, что эта мера, приводящая к ужесточению нормативов деятельности банков и финансовых институтов, направленная на повышение транспарентности и унификацию методов их регулирования в различных странах, обеспечит снижение рисков и повышение надёжности функционирования банковских систем и финансовых рынков. Похожие надежды возлагались, в том числе высокопоставленными чиновниками Банка России, на повсеместное внедрение международных стандартов финансовой отчётности. Однако на практике результат получился совсем иным.

Непредвзятый анализ рекомендаций вышеупомянутого Базельского комитета позволяет заключить, что их разработка была отчасти обусловлена интересами ведущих государств и транснациональных банков по установлению контроля над движением денежно-кредитных потоков в мире и направления их в нужное для себя русло. Кроме того, эти рекомендации, которые были трансформированы в нормативы регулирования банковской деятельности, явно стимулируют коммерческие банки вкладывать средства в государственные ценные бумаги, что не способствует повышению ответственности государств, прежде всего ведущих стран мира, за неоправданное увеличение размеров государственного долга.

Как свидетельствует исторический опыт, когда государственная власть, несмотря, а точнее — благодаря возлагаемым на государство необоснованным надеждам, выполняет свои обязанности и функции крайне неэффективно, не заботясь о жёстком соблюдении требований увязки размеров налогообложения с решением проблемы рационального использования властью средств налого-

плательщиков, неразумно рассматривать государство как на надёжного и ответственного заёмщика. По существу, «надёжность» государственных ценных бумаг в основном базируется лишь на наличии у государственной власти возможности насильственного изъятия средств у налогоплательщиков, в число которых входят и кредиторы правительства (держатели государственных ценных бумаг). В результате государственная власть сначала погашает свои обязательства перед одними налогоплательщиками за счёт других, формируя финансовые пирамиды, предназначенные для последующего разрушения, либо увеличивая налоговое бремя. Заканчивается и тот, и другой способ «честного изъятия денег у населения» тем, что, оказывая крайне негативное воздействие на процесс социально-экономического развития, становится одной из главных причин возникновения крупномасштабных финансовых и экономических кризисов. Правда, вина за появление этих кризисов всегда перекладывалась представителями власти на своих нерасчётливых кредиторов. Ранее в такой роли выступали многие ростовщики, затем — участники финансовых рынков и банки. Именно на них власти старались канализировать весь гнев народа. Именно они первыми несли ответственность за то, что государственная власть оказывалась необязательным и неплатёжеспособным заёмщиком. При этом со стороны представителей государственной власти каждый раз в качестве средства исправления кризисной ситуации обосновывалась необходимость дальнейшего усиления государственного вмешательства и ужесточения законодательства, регулирующего банковскую деятельность. На практике за подобными «обоснованиями» часто скрывалось и камуфлируется стремление властных структур обеспечить для наиболее близких к ним финансовых компаний и банков монопольные позиции на рынке, что, естественно, влечёт за собой углубление кризиса и/или затруднение и замедление процесса выхода из него. В этой связи важно иметь в виду существование высокой вероятности того, что под видом рассуждений о необходимости формирования новой системы международного регулирования отдельные государства или неформальные властные структуры, функционирующие в тени государственных образований, могут преследовать собственные эгоистические цели.

Указанная вероятность возрастает по причине отсутствия рационального объяснения и неадекватного отражения в общественном сознании вопроса о существенных характеристиках денег, социальном значении банков и иных финансовых институтов. Не случайно, несмотря на различные заверения представи-

телей правительства, на деле государственная власть в России практически не проявляет реальной заинтересованности в обеспечении гарантии прав кредиторов и реализации принципа равных прав при равной ответственности, без чего невозможно рассчитывать на полноценное социально-экономическое развитие и эффективное функционирование рыночных институтов. Кризис 1998 года, который был инициирован отказом правительства платить по своим долгам (ГКО), являлся одним из наиболее наглядных проявлений такого подхода. И современный мировой финансовый кризис, как и его специфические проявления в России, также не является исключением из правил.

Для обеспечения социально-экономического развития важно понимать, что государство и государственные институты никогда не являлись и не могут рассматриваться в качестве полноценного источника денег для экономики. Более того, одним из важнейших условий социально-экономического развития является максимально возможное разделение политической и денежной властей в обществе, обеспечение как можно большей независимости от правительства не только центральных банков, но и банковского сектора в целом. Это предполагает необходимость реального перехода к организации двухуровневой банковской системы, корректировку основных ориентиров деятельности и переоценку функций коммерческих банков, изменение законодательной и нормативной базы, регулирующей банковскую деятельность.

Переоценка основных целей, необходимых условий и методов организации банковской деятельности в России

Мало кто сегодня, да и вообще когда-либо, серьёзно утверждал, что банковской система, сложившаяся в России, отвечает потребностям развития страны. Но в качестве главного недостатка данной системы уже много лет указывается, по сути, лишь на один показатель — на низкий уровень капитализации российских коммерческих банков. В качестве доказательства приводятся сравнения с уровнем капитализации крупнейших банков ведущих стран. Как заклинание, из года в год повторяется лозунг о необходимости существенного и скорейшего повышения капитала российских банков. С более высоким уровнем капитализации банков непосредственно увязывают и проблему снижения риска их неплатёжеспособности, а соответственно, и повышения надёжности и безопасности их функционирования. При этом в качестве средства решения данной проблемы на практике используются методы, на-

правленные на сокращение числа коммерческих банков, усиление централизации и монополизации банковской деятельности. Проводя такие методы, одновременно забывают отметить, что по количеству банков на душу населения наша страна многократно уступает и США, и странам ЕС. Но главное в том, что опыт применения указанных методов, как у нас в стране, так и за рубежом, свидетельствует, что они, во-первых, крайне неэффективны с точки зрения возлагаемых на них надежд. Во-вторых, помимо своей неэффективности, они неизбежно влекут крайне неблагоприятные социально-экономические и социально-политические последствия. Этот факт ярко продемонстрировал и кризис 1998 года, и современный мировой финансовый кризис.

Самое малое, что можно сказать об отрицательных последствиях применяемых методов, так это то, что они негативно сказываются на условиях развития малого и среднего бизнеса, а также приводят к общему удорожанию банковских услуг. В качестве примера можно привести недавно установленный Сбербанком РФ размер комиссии по перечислению коммунальных платежей. Если сопоставить уровень доходности от взимания данной комиссии с уровнем доходности от кредитов, предоставляемых на межбанковском рынке, то получается следующая картина. Для того чтобы Сбербанк мог добиться такого же уровня доходности (как от взимания комиссии) на межбанковском рынке, он должен был бы предоставлять однодневные кредиты по баснословно ростовщической ставке — от 365% до более 900% годовых. При взимании комиссии Сбербанк, по существу, не только получает от населения беспроцентные кредитные ресурсы, по крайней мере, на один день, но и берет со своих кредиторов процент в размере названной ставки. Сам же Сбербанк выплачивает по вкладам проценты, в среднем не превышающие 4% годовых. Ситуацию, при которой какой-либо банк решился бы взимать комиссию в таком размере, просто невозможно было представить, скажем, пятнадцать лет назад, когда существовало хоть какое-то подобие конкуренции на рынке банковских услуг¹.

Что касается зависимости уровня надёжности банка от величины его капитала (т.е. собственных средств), то в качестве примера, доказывающего отсутствие такой зависимости, можно опять же привести ситуацию со Сбербанком РФ. При смене руководства

¹ По оценке Национальной ассоциации участников электронной торговли, в настоящее время общий объем рынка услуг по приёму и оплате счетов предприятий ЖКХ превышает 300 млрд. рублей в год. В различных регионах страны на долю Сбербанка РФ приходится от 36% до 60% указанного рынка. Только в одной Москве ежегодный доход Сбербанка РФ от комиссии за оплату услуг ЖКХ уже сегодня равняется 1,33 млрд. рублей.

Сбербанка РФ, его уже бывшие топ менеджеры, видимо, стараясь придать дополнительный вес собственной значимости, обнародовали весьма важную информацию. Они заявили, что на тот момент, когда они пришли к руководству Сбербанком РФ, последний имел отрицательный капитал. Иными словами, банк, считавшийся самым надёжным и крупным в стране, на самом деле уступал по размеру собственных средств самому маленькому банку. И если бы Банк России, являющийся, кстати, главным акционером Сбербанка РФ, в отношении него использовал бы такие же санкции, какие он в подобной ситуации применяет к подавляющему большинству иных российских коммерческих банков, то у Сбербанка должна была быть отозвана лицензия и начата процедура его банкротства. К счастью, осознание размеров социально-экономических и социально-политических последствий подобных мер привели к тому, что Банк России предпочёл в данном случае забыть о своих нормативных актах, регулирующих банковскую деятельность. Подобная «забывчивость» неоднократно наблюдалась и у руководства центральных банков ведущих стран мира, когда по отношению к крупнейшим банкам, которые в действительности оказывались без наличия собственного капитала, не применялись широко разрекламированные меры по так называемой «санации» банковской деятельности.

Речь в данном случае не о том, что руководство центральных банков должно быть осуждено за факты подобной «забывчивости», а о том, что величина капитала какого-либо банка на практике никак не связана и не может увязываться с показателями его надёжности, а соответственно, и с вопросом обеспечения безопасности кредиторов и вкладчиков. В рамках установленных сегодня обязательных нормативов банковской деятельности величина денежных обязательств и требований у любого коммерческого банка более чем в десять раз превышает величину его собственных средств, или капитала. В такой ситуации, сколь бы высокой ни была величина капитала банка, она не может рассматриваться в качестве гарантии возврата средств его кредиторов и вкладчиков. На самом деле величину собственного капитала каждого отдельного банка следует рассматривать лишь в качестве показателя, который определяет размер материальной ответственности собственников банка за право организации банковской деятельности в соответствующем масштабе. Если говорить более точно, то величина собственного капитала банка должна и может определять размеры участия данного банка в процессе денежно-кредитной эмиссии. Увязывать величину капитала банка с его надёжностью можно было только в том случае, если бы величина предоставляемых

им кредитов не превышала бы размера его собственных средств. Но в этом случае коммерческий банк перестал бы быть полноценным банком. Он был бы не в состоянии выполнять объективно возложенные на банки функции, связанные с обеспечением социально-экономического развития.

Руководство центральных банков, и в первую очередь я имею в виду Банк России, может и должно быть осуждено за то, что, во-первых, продолжает в качестве меры повышения надёжности банковской деятельности указывать на необходимость увеличения капитализации российских банков. Во-вторых, оно должно быть осуждено за явно дискриминационный подход к выбору банков, которым обеспечен доступ к механизмам, повышающим их надёжность. К таким механизмам относится, в частности, доступ к системе рефинансирования, который у нас ограничен небольшим кругом привилегированных банков, имеющим формальные и неформальные связи с правительством или Банком России. В-третьих, крайне негативным моментом заключается не только в обеспечении привилегированного положения для отдельных банков, в том числе посредством оказания им финансовой помощи, но и в том, что такая помощь зачастую предоставляется в интересах собственников банка, а не их кредиторов и вкладчиков. В купе с другими используемыми Банком России методами регулирования коммерческих банков эти меры на самом деле приводят лишь к монополизации банковской деятельности, что способствует консервированию нынешней сырьевой структуры российской экономики и идёт вразрез с задачами её модернизации, а также является одним из факторов усиления инфляции.

Понимание путей повышения надёжности и социальной значимости банковской деятельности

В действительности надёжность каждого отдельного банка находится в прямой зависимости от общего уровня надёжности банковской системы в целом, а последний — от адекватных и своевременных действий центральных банков по обеспечению безопасности и надёжности денежно-кредитных отношений. К их числу относятся действия, направленные на локализацию и предотвращение цепной реакции потери денежных средств представителями реального сектора экономики, к чему до сих пор приводит неплатёжеспособность банков и финансовых институтов. Для противодействия этому требуются не разовые кредитные вливания для поддержания приближенных к государственным чиновникам

банковских структур, а обеспечение для всех коммерческих банков реальной возможности получения краткосрочных кредитов в центральном банке в случае недостатка средств на проведение расчётов и платежей своих клиентов. В интересах обеспечения безопасности системы расчётов и платежей все коммерческие банки на деле должны обладать правом на получение в Банке России однокредитов. Причём эти кредиты должны им предоставляться, по сути, в автоматическом режиме. Без необходимости представления в Центральный банк обеспечения в виде государственных ценных бумаг или какой-либо иной заранее установленной ограниченной группы активов. Дело в том, что для обеспечения безопасности системы расчётов от Центрального банка требуется не столько активная, сколько пассивная роль при выполнении возложенной на него функции рефинансирования коммерческих банков. Активную роль Центральный банк должен играть при осуществлении контроля над общим качеством кредитной политики коммерческих банков и их активов. Если общее качество кредитного портфеля банков не вызывает у Центрального банка серьёзных опасений и нареканий, то не существует никаких рациональных доводов в пользу того, чтобы он ограничивал объёмы рефинансирования таким условием как наличие обеспечения в виде какой-либо конкретной группы активов. Кроме того, с точки зрения обеспечения эффективного контроля над качеством активов коммерческих банков, сам факт многократного использования каким-либо коммерческим банком однокредитов Центрального банка будет указывать на вероятность ухудшения его кредитного портфеля и проведение чрезмерно рискованной или необоснованной политики. Тем самым Банк России получает реальный индикатор для принятия своевременных мер, направленных на финансовое оздоровление проблемных банков в интересах обеспечения общей стабильности и эффективности банковской системы.

В этих же интересах требуется также внести принципиальные изменения в действующую систему страхования депозитов в коммерческих банках. Страхование должно распространяться не только на вклады физических лиц, но и средства на расчётных счетах юридических лиц. Важно понимать, что для предприятий и организаций средства на счетах в банках фактически являются единственной законной формой существования денег. Причём, если мы допускаем возможность того, что предприятия могут быть в случае банкротства банков лишены законного права собственности на денежные средства, то это означает, что мы проявляем безответственное отношение к условиям, необходимым для социально-

экономического развития страны. При ответственном подходе к указанной проблеме необходимо сделать так, чтобы в случае банкротства банков число лиц, которые при этом могут нести потери, было ограничено собственниками и руководителями банков. Частично, конечно, могут пострадать и те клиенты, которые рассчитывали использовать банк исключительно в качестве дополнительного средства извлечения дохода. Дело в том, что в размеры страхового возмещения нецелесообразно включать проценты, которые банк обязывался выплатить по вкладам. Между тем размеры возмещения, во-первых, должны покрывать все текущие обязательства банков перед представителями реального сектора экономики, т. е. включать все средства, находящиеся на расчётных и текущих счетах (за вычетом процентов). Во-вторых, сроки, в течение которых указанные средства должны быть возвращены их владельцам, сокращены до минимума (нескольких дней). Необходимо осознать, что основанная задача системы страхования коммерческих банков заключается в защите общего механизма денежного обеспечения и системы финансовых расчётов, поддержания социального доверия к банковской системе в целом в целях предотвращения системных рисков и глубины социально-экономических кризисов. С этой точки зрения, важно различать банкротство и ликвидацию банка как юридического лица (созданного учредителями для извлечения прибыли) и необходимость сохранения банка как социально значимого института, обеспечивающего условия существования и функционирования современных денег для юридических и физических лиц. Поэтому банкротство и ликвидация банка как юридического лица должны сопровождаться мерами, гарантирующими его клиентам (предприятиям и гражданам) возможность бесперебойного использования принадлежащих им денежных средств, то есть мероприятиями, направленными на сохранение социально-экономической функции, осуществляемой банками¹.

¹ На практике этот подход может быть реализован сегодня следующим образом. Одновременно с отзывом у коммерческого банка-банкрота лицензии, Банк России не только назначает временную администрацию банка, но и выдаёт специальную лицензию для организации транзитного банка. Последний принимает на себя (от лица Банка России) исполнение текущих обязательств банка-банкрота перед предприятиями реального сектора экономики и гражданами (за минусом процентов и задолженности по полученным в банке кредитам). Одновременно Банк России приобретает права требования (в объёме взятых на себя обязательств) к банку-банкроту и в этом своём качестве участвует в процессе ликвидации указанного банка. Обязательства транзитного банка перед физическими лицами в пределах застрахованной суммы покрываются за счет средств Агентства по страхованию вкладов. Все другие обязательства, принятые на себя транзитным банком, обеспечиваются кредитами Банка России (в форме кредитной линии). Транзитный банк должен продолжать свою деятельность до тех пор, пока не будет выполнено одно из следующих условий. 1) На месте транзитного банка за счёт привлечения новых инвесторов (собственников) образуется новый полноценный банк, который возьмёт на себя выполнение обязательств транзитного банка (получив одновременно и права требования к банку-банкроту). При этом сумма задолженности транзитного банка перед Банком России (объем фактически полученных кредитов по кредитной линии) может быть переоформлена в облигации. 2) Обязательства транзитного банка и его права требований примет на себя третий (действующий) банк. 3) Все взятые

Между тем сегодня зачастую можно наблюдать прямо противоположную картину. От ликвидации банков в первую очередь страдают его кредиторы и вкладчики. Предприятия и организации вообще лишаются принадлежащих им денежных средств, а гражданам они не только возвращаются лишь частично, но со значительной временной задержкой (в несколько месяцев). В то же время тем собственникам банков, которые имеют тесные контакты с правительственными чиновниками и Банком России, фактически предоставляется возможность в полной мере сохранить, а в ряде случаев и приумножить средства, которые были вложены в капитал банков. Я уже не говорю о банках, в капитале которых наблюдается участие государственных структур и Банка России. Замечу при этом, что все кредиторы и вкладчики банков с государственным участием фактически могут быть отнесены к категории держателей государственных долговых обязательств; а сами указанные банки — к инструментам расширения нерегулируемого никакими нормами законодательства размеров увеличения государственного долга.

Социальный смысл разделения функций коммерческих, инвестиционных и сберегательных банков

Ещё один важный аспект, нуждающийся в осознанном понимании, заключается в необходимости обеспечения чёткого разделения функций и условий деятельности коммерческих банков и инвестиционных банков, в применении различных методов их регулирования. Кроме того, в отдельную группу целесообразно выделить и те банки, которые занимаются преимущественно предоставлением потребительских кредитов населению, а также ипотечным кредитованием. Дело в том, что коммерческие банки в виду их особой роли, связанной с формированием денежной массы, должны быть ограничены как в возможности участия как на фондовом рынке, включая предоставление кредитов инвестиционным компаниям и банкам, так и в выдаче потребительских кредитов населению. Более того, коммерческие банки должны быть ориентированы преимущественно на предоставление краткосрочных (до одного года) кредитов представителям реального сектора экономики. Эти кредиты должны быть нацелены в основном на кредитование предпринимательской деятельности, направленной на расширение и изменение структуры предоставляемых товаров и услуг. Однако

на себя транзитным банком обязательства будут погашены. Возможные убытки, связанные с образованием и функционированием транзитного банка, должны возмещаться за счёт прибыли, резервов и фондов Банка России.

для снижения риска инфляционного давления и предотвращения возможных злоупотреблений со стороны коммерческих банков, необходимо сделать так, что указанные кредиты предоставлялись только на таком этапе предпринимательской деятельности, на котором можно с достаточной точностью предсказать заинтересованность потребителей в дополнительном объёме или в новых видах создаваемых товаров или предоставляемых услугах. Только в этом случае дополнительные объёмы формируемой коммерческими банками денежной массы могут быть признаны обоснованными и не иметь негативных инфляционных последствий.

Если мы рассмотрим потребительские кредиты, то, хотя они и могут на короткое время стимулировать объём производства соответствующих товаров и услуг, но социально-экономическая обоснованность такого расширения останется под вопросом. Обоснованными можно назвать только такие кредиты, которые нацелены на то, чтобы обеспечить для получателей указанных кредитов возможность реализовать собственные способности, связанные с производением тех или иных товаров или услуг, имеющих реального или потенциального покупателя. В отношении потребительских кредитов подобная нацеленность, как правило, далеко не столь очевидна. Я не хочу сказать, что потребительские кредиты не должны существовать как класс. Нет. Речь в данном случае идёт об обоснованности, а точнее — необоснованности расширения денежно-кредитной эмиссии в результате роста потребительских кредитов. И если мы понимаем, что основной социально-значимой функцией коммерческих банков является их участие в формировании полноценной денежной массы, то объёмы предоставляемых ими потребительских кредитов должны быть сведены к минимуму¹. Потребительские кредиты могут предоставляться теми кредитными учреждениями, которые исключены из процесса формирования денежной массы, т. е. функция которых может состоять в мобилизации и временном перераспределении денежных средств. Для этого они не должны заниматься расчётно-кассовым обслуживанием, и на них не должно распространяться рефинан-

¹ В отношении коммерческих банков совсем не обязательно вводить полный запрет на потребительское кредитование на уровне законодательства. Указанный вид кредитной деятельности коммерческих банков можно свести к минимуму с помощью норматива достаточности капитала. Для этого все потребительские кредиты должны подпадать под категорию активов, для которых показатель рискованности может быть установлен на уровне 300–500 процентов. Это означает, что при предоставлении коммерческим банком потребительских кредитов, скажем, на 100 млн. руб., при расчёте норматива достаточности капитала они будут оцениваться как кредиты, выданные на сумму 300–500 млн. рублей. Иными словами, в случае предоставлении таких кредитов коммерческий банк значительно быстрее достиг бы разрешённого ему (по отношению к величине собственных средств) кредитного потолка и был бы вынужден размещать все дополнительно поступающие к нему кредитные ресурсы исключительно на беспроцентном корреспондентском счёте в Центральном банке.

сирование Центрального банка. Более того, в случае банкротства указанных кредитных учреждений их вкладчики и кредиторы не должны иметь права на возмещение вложенных средств в таком же объёме и порядке, который был нами рассмотрен по отношению коммерческих банков. Вместе с тем именно для этой категории банков (которые можно определить как ссудо-сберегательные) вполне применим механизм страхования вкладов физических лиц, который сегодня применяется у нас в отношении коммерческих банков.

Ещё более жёсткие ограничители должны быть установлены в отношении долгосрочных кредитных вложений, а также операций коммерческих банков на рынке ценных бумаг, включая кредиты инвестиционным компаниям, инвестиционным фондам и банкам, а также любым лицам, занимающимися операциями по купле-продаже ценных бумаг. Возможности использования ресурсов коммерческих банков для стимулирования фондового рынка должны быть сведены практически на нет. Опять же речь идёт о свёртывании участия коммерческих банков на фондовом рынке и в обеспечении инвестиционной деятельности, а не о свёртывании указанной деятельности как таковой.

Рациональное понимание социального значения финансовых рынков

Сегодня в суждениях различных экономистов, особенно под впечатлением мирового экономического кризиса, наблюдаются две попеременно чередующихся версии относительно значения и роли фондовой биржи и финансового рынка в целом. Согласно одной версии, фондовый рынок превозносится как основной инструмент, обеспечивающий процесс экономического развития, а показатели его функционирования, включая данные о стоимости обращающихся финансовых активов и размерах капитализации тех или иных компаний, рассматриваются как наиболее объективные и адекватные характеристики экономического положения и деятельности акционерных компаний и банков. Другая версия, напротив, исключительно критически оценивает финансовый рынок, рассматривая его как виртуальную торговлю «воздушными» финансовыми активами, как финансовое казино, участники которого далеко оторвались от проблем и интересов реальной экономики, потребностей производителей и потребителей товаров и услуг. Между тем, сторонники каждой из этих версий, выдвигая свои аргументы, зачастую просто забывают о причинах возникновения

и базовых условиях, необходимых для функционирования финансового рынка и фондовой биржи. Если разобраться в этих вопросах, то не возникнет оснований ни для чрезмерных (и, как правило, неоправданных) надежд и ожиданий, ни для огульной критики и отрицания необходимости существования финансового рынка и биржевой торговли как таковых.

Для начала необходимо вспомнить базовый социально-экономический смысл и роль фондовой биржи в экономическом развитии. Если говорить в положительном контексте, то эта роль по своей сути определяется тем значением, которое имеют все финансовые рынки с точки зрения поддержания и развития различных форм кредитных отношений. В данном случае речь идёт о таких кредитных отношениях, которые обеспечивают предпринимателей инвестиционными ресурсами. Компании, размещающие свои акции или облигации на фондовой бирже, получают средства, которые они могут использовать для расширения, реструктуризации или репрофилированию своей производственной или иной предпринимательской деятельности¹. Этим и определяется главное социально-экономическое значение фондовой биржи и финансовых рынков — обеспечить компаниям возможность получения на длительный срок денежных средств на инвестиционную деятельность. С точки зрения перспектив социально-экономического развития само наличие указанной возможности дорогого стоит. Но как и почему данная возможность появилась? Это произошло исключительно благодаря тому, что большинство инвесторов, хотя передают конкретной компании свои средства на длительный срок или в бессрочное пользование, благодаря появлению финансовых рынков получили возможность в любой момент продать свои акции или облигации какому-то другому инвестору. Акционеры, конечно, могут быть заинтересованы перспективами получения дохода от реализации инвестиционных проектов в долгосрочной перспективе. Однако основная масса потенциальных покупателей акций не обладает средствами, которые они готовы предоставить на длительный срок и нуждаются в определённой гарантии возврата денежных средств на случай возникновения непредвиденных обстоятельств. Иными словами, они нужда-

¹ Получив денежные средства взамен собственных акций или облигаций, предприятия могут не беспокоиться относительно необходимости возврата указанных средств до окончания реализации инвестиционных проектов и получения прибыли. Я не акцентирую сейчас различия между акциями и облигациями с точки зрения тех прав, которые они предоставляют их владельцам по участию в управлении компаний. Для большинства лиц, приобретающих акции и облигации на фондовых рынках (всех таких лиц можно подвести под общую категорию инвесторов), эти ценные бумаги отличаются лишь условиями возврата вложенных средств и получения вознаграждения. Не случайно значительную часть ценных бумаг сегодня можно отнести к категории гибридных, т. е. таких, которые имеют характеристики и акций, и облигаций.

ются в определённом страховом механизме, который, по меньшей мере, позволил бы им относительно быстро и без больших потерь вновь обменять купленные акции на денежные средства. Без наличия такого механизма из общего числа потенциальных покупателей акций или облигаций большинство не стало бы рисковать своими средствами, а акционерные компании лишились бы одного из основных источников привлечения необходимого капитала. Инвесторы приобретают акции или облигации, поскольку знают о наличии механизма трансформации долгосрочных или бессрочных кредитных вложений в краткосрочные, который им предоставляет функционирования фондового и иных финансовых рынков.

Но здесь опять же возникает вопрос о том, благодаря чему и как этот механизм может работать? Для того чтобы этот механизм заработал необходимо наличие так называемых «market-makers», или дилеров, т. е. таких профессиональных участников финансовых рынков, которые готовы в любой момент приобрести у каждого отдельного инвестора за свой счёт принадлежащие ему ценные бумаги, не дожидаясь появления какого-то нового или другого инвестора, который захочет их купить. Аналогичным образом, эти профессиональные участники должны быть готовы продать котироваемые на рынке ценные бумаги любому потенциальному покупателю, независимо от наличия в данный момент какого-либо иного инвестора, решившего избавиться от этих ценных бумаг. Понятно, что такие профессиональные участники финансовых рынков с самого начала вынуждены были брать на себя достаточно высокие риски. Ведь заранее предугадать, когда появится спрос со стороны новых желающих попробовать себя в качестве инвесторов и величину указанного спроса, никогда не было просто. Держать же в своём портфеле наготове большой объем ценных бумаг и одновременно — свободных денежных средств — всегда было накладно. Поэтому, вполне естественно, что указанные профессиональные участники рынка ценных бумаг были изначально заинтересованы в поиске механизмов сокращения накладных расходов и уменьшения своих рисков.

Не рассматривая подробно различные разработанные в указанных целях механизмы биржевой торговли, подчеркнём одно важное обстоятельство, которое, почему то, часто выпадает из внимания даже у аналитиков финансовых рынков. Это обстоятельство заключается в том, что главным условием снижения вышеуказанных рисков является привлечение к участию на фондовом рынке в качестве покупателей и продавцом как можно большего числа лиц. А если говорить прямо — привлечение как можно большего

числа непрофессиональных спекулянтов, на которых можно легко переложить часть рисков. Привлечь же их можно только одним способом — продемонстрировав возможности получения высоких прибылей от операций, связанных с перепродажей ценных бумаг. Демонстрация же эта всего производилась одним способом — искусственным манипулированием (особенно на первоначальном этапе) курсами ценных бумаг. Иными словами, такая демонстрация всегда происходила и происходит с помощью всем известного механизма создания финансовых пирамид. В то же время, для того, чтобы этот механизм начал работать, в качестве одного из условий требуется, хотя бы на первом этапе, наличие у данных профессиональных участников рынка ценных бумаг широкого доступа к кредитным ресурсам. И, кроме того, появление организованной группы формально самостоятельных, но фактически — взаимозависимых участников биржевой торговли, перепродающих друг другу одни и те же ценные бумаги по более высокой цене (курсу). Тем самым создаётся видимость лёгкого и быстрого средства обогащения за счёт купли-продажи ценных бумаг, что, естественно, привлекает к себе внимание значительного числа спекулянтов и мелких инвесторов. Прежде всего, конечно, таким образом раскручиваются ценные бумаги ещё недостаточно известных эмитентов. Однако в той или иной степени элементы конструкции финансовых пирамид заложены под все обращающиеся на рынке ценные бумаги. Об этом ярко свидетельствует вся история биржевой и внебиржевой торговли в различных странах мира¹.

Понятно, что любые финансовые пирамиды не могут существовать вечно. Оно изначально предназначены для последующего крушения. Временные рамки от создания до крушения финансовых пирамид определяется в основном тем числом потенциальных участников, которые могут быть дополнительно привлечены к их «строительству». Когда дополнительный приток новых участников, а, следовательно, и денежных средств, которые могут быть направлены на искусственный рост курса ценных бумаг, иссякает, начинается подготовка к крушению финансовых пирамид. При этом сначала появляются профессиональные участники рын-

¹ В историческом разрезе наиболее показательным примером строительства финансовых пирамид для биржевой торговли и манипулирования курсами различных ценных бумаг может служить деятельность транснационального банкирского дома Ротшильдов, благодаря которому, кстати, государственные облигации отдельных стран впервые вышли стали обращаться за пределами своих национальных границ. Успех Ротшильдов во многом был обусловлен покровительством, которое оказывали ему влиятельные политические силы ряда европейских стран, и прежде всего Великобритании, включая негласную поддержку британских спецслужб и практически неограниченный доступ к кредитным ресурсам Банка Англии. Для современной России не менее наглядным примером формирования с помощью государственной власти и связанных с ней банков финансовых пирамид может служить характер и способ раскрутки рынка ГКО.

ка, из числа, как правило, не самых больших, но уже зарекомендовавших себя в роли активных дилеров, или «market-makers», которым перестаёт оказываться со стороны крупных банков и/или квази-государственных финансовых институтов кредитная поддержка, на которую они уже привыкли рассчитывать. Это приводит к тому, что данные профессиональные участники оказываются не в состоянии поддерживать рынок и курс соответствующих ценных бумаг. Цена последних, естественно, начинает резко снижаться, среди их держателей наступает паника, которая заканчивается очередным биржевым крахом (и очередным скандалом, связанным с обвинением того или иного профессионального участника рынка в строительстве финансовой пирамиды и его тюремном заключении). В то же время негативная общественная реакция в отношении строителей финансовых пирамид в основном обусловлена тем обстоятельством, что последние, или «крайние» держатели ценных бумаг своими потерями оплачивают высокие доходы, которые получали их предшественники-владелец. Этот факт, безусловно, нельзя признать справедливым. Но с ним ещё можно было как-то мириться, если бы потери возникали только у тех участников рынка ценных бумаг, которые сознательно шли на указанный риск в виду спекулятивного расчёта получить высокий доход. Однако проблема в том, что потери несут не только сами биржевые спекулянты. Главные негативные социально-экономические последствия биржевого краха происходят тогда, когда в числе этих «последних» прямо или косвенно (т.е. через кредитование неудачливых участников биржевой торговли) оказываются коммерческие банки. Если потери банков приводят к их неплатёжеспособности, которая по цепочке распространяется на ничего не подозревающих клиентов, вызывает лавинообразный разрыв устоявшихся экономических связей, утрату доверия между различными экономическими субъектами и общее свёртывание кредитных отношений, то уничтожаются базовые условия, необходимые для поддержания и развития экономической деятельности. При этом перестаёт работать и основная социально-экономическая функция биржевой торговли.

Не следует, однако, ограничиваться осуждением строителей и разрушителей финансовых пирамид, а также биржевых спекулянтов. Вопрос на самом деле более серьёзный. Он заключается в том, что, с одной стороны, без наличия биржевых спекулянтов и создателей финансовых пирамид фондовый и внебиржевой рынки не могут выполнять свою социально-значимую функцию, обеспечивающую предпринимателей необходимыми ресурсами

для проведения инвестиционной деятельности. Поэтому если поставить в качестве цели полное устранение условий для появления финансовых пирамид, то её реализация приведёт к невозможности выполнению финансовыми рынками своей социально-экономической функции. С другой стороны, при отсутствии экономических ограничителей, позволяющих сдерживать масштабы строительства финансовых пирамид в определённых пределах, это не только выливается в невозможность исполнения финансовыми рынками своей основной социально-значимой задачи (обеспечение формирования и расширения масштабов инвестиционной деятельности), но и оказывает пагубное воздействие условия социально-экономического развития в целом.

В качестве такого экономического ограничителя, который бы позволил предотвращать разрастание финансовых пирамид и их превращение в раковую опухоль финансовых рынков, и призваны служить меры по как можно большему отдалению от них коммерческих банков¹.

Необходимо также обратить внимание на крайне негативную практику (хотя она получила сегодня широкое распространение и поддержку со стороны государственных институтов) рассматривать показатели рыночной капитализации компаний в качестве важнейшего индикатора, характеризующего уровень эффективности их предпринимательской деятельности. Бесспорно, результаты финансовой деятельности различных компаний оказывают влияние на изменение рыночного курса их акций и долговых обязательств. Однако это лишь один из многочисленных факторов (и, как правило, не самый значительный), определяющих динамику курса ценных бумаг. При одних и тех же результатах предпринимательской деятельности тех или иных компаний биржевой курс их ценных бумаг может существенно отклоняться как в ту, так и иную сторону. Более того, не только ухудшение реальных показателей финансовой деятельности компаний влияет на понижение курса их ценных бумаг, но и отрицательная динамика курса данных ценных бумаг может спровоцировать ухудшение результатов их предпринимательской деятельности. В частности, это обстоятельство может вызвать появление неоправданных ограничений

¹ Как и в случае с потребительскими кредитами, это возможно достигнуть даже без обязательного введения ограничений на законодательном уровне. Может оказаться вполне достаточным внедрение жёстких ограничителей в устанавливаемый для коммерческих банков норматив достаточности капитала. Я имею в виду установление для активов коммерческих банков, вложенных в различные виды акций и облигаций, а также в кредиты профессиональным и иным участникам рынка ценных бумаг, показателя рискованности на уровне, превышающем 500–600 процентов. Однако важно подчеркнуть одно обстоятельство. Указанный показатель рискованности активов не должен зависеть или быть привязан к какому-либо рейтингу ценных бумаг и долговых обязательств, публикуемых тем или иным рейтинговым агентством.

на возможности привлечения ими дополнительных кредитных ресурсов, что, в свою очередь, может серьёзно затормозить успешную реализацию инвестиционных проектов. Вообще, сам факт рассмотрения данных об уровне рыночной капитализации компаний в качестве показателя эффективности их деятельности неизбежно стимулирует руководителей данных компаний участвовать в манипулировании рыночного курса этих ценных бумаг. В результате, средства, которые должны были бы направляться на осуществление инвестиционных проектов, на деле могут переориентироваться на финансирование спекулятивных операций на бирже.

Оценка деятельности рейтинговых агентств, включая агентства, пользующихся всемирным признанием, также является далеко неоднозначной. Рейтинговые агентства, бесспорно, способствуют большей информированности инвесторов относительно результатов и перспектив деятельности тех или иных компаний, а, следовательно, и о рисках, связанных с вложением средств в эмитированные ими ценные бумаги. Вместе с тем, когда такие рейтинги включаются центральными банками и органами государственного регулирования финансовых рынков в обязательные нормативы, регламентирующие деятельность банков и различных инвестиционных фондов, то тем самым рейтинговым агентствам фактически придаются права органов государственной власти при отсутствии какой-либо соответствующей данным правам ответственности. В результате, во-первых, у рейтинговых агентств существенно расширяются возможности для злоупотребления полученными правами. Дело в том, что публикуемые ими рейтинги могут не только и даже не столько отражать, сколько влиять на результаты деятельности тех или иных компаний. Этот факт нашёл своё подтверждение во время последнего мирового кризиса. Во-вторых, когда, скажем, центральные банки при определении нормативов достаточности капитала коммерческих банков устанавливают показатель рискованности активов в зависимости от наличия или отсутствия соответствующего рейтинга, то тем самым они оказывают существенное воздействие на направления кредитной деятельности банков. Это обстоятельство приводит к негативным социально-экономическим последствиям. В частности, поскольку рейтинги распространяются лишь на долговые обязательства крупных компаний, то их использование в обязательных нормативах банковской деятельности на деле ограничивает доступ малого и среднего бизнеса к кредитным ресурсам. Ещё более негативное воздействие на условия деятельности коммерческих банков центральные банки оказывают в том случае, когда только активы, об-

ладающие соответствующим рейтингом, предоставляют банкам право на рефинансирование.

В данном случае в качестве примера может служить деятельность Банка России, который уже долгие годы занимается рефинансированием только крайне узкого круга «приближенных» коммерческих банков. При этом условия рефинансирования не стимулируют российские банки осуществлять кредитование тех предприятий, деятельность которых способна изменить экспортно-сырьевую структуру нашей экономики. Национально ориентированной и экономически обоснованной политика Банка России окажется только в том случае, если она действительно будет нацелена на развитие и поддержание внутри страны полноценных кредитных отношений, которые определяют состояние и перспективы социально-экономического развития государства.

В заключении нельзя не отметить, что в среде научного сообщества при рассмотрении вопросов денежной политики, к сожалению, до сих пор ощущается недостаток их глубокой и всесторонней проработки, что не способствует распространению в обществе рационального понимания изъянов и злоупотреблений в деятельности монетарных властей. Прослеживается инерция мышления, поддерживаемая сложившимся административным разделением академической науки, низким уровнем интеграции политологов, социологов, экономистов, юристов и других представителей гуманитарных дисциплин. Несмотря на то, что проблему скорейшего изменения механизма денежной эмиссии и методов регулирования деятельности коммерческих банков с полным основанием можно отнести к основному уроку, который был преподнесён мировым экономическим кризисом, не ощущается должного понимания и осознания необходимости скорейшего критического пересмотра и кардинального изменения всей законодательной и нормативно-правовой базы Банка России.